

Линейная позиция и просодический статус форм обращения в древнерусском языке: данные берестяных грамот*

И. Б. Иткин

Институт востоковедения РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

0. Введение

Настоящая статья во многом является продолжением работы [Иткин 2025], посвященной употреблению форм обращения в «Слове о полку Игореве». Как мы старались показать, в тексте «Слова...» (без учета некоторых особых случаев) обнаруживается очень близкое к дополнительному распределение неоднословных и однословных обращений: первые почти всегда занимают место в начале предложения, вторые — место после первой тактовой группы, т. е. в так называемой вакернагелевской позиции.

Прямое сопоставление насыщенного художественными эффектами сочинения древнерусского книжника с берестяными письмами, писавшимися с чисто практическими целями многими сотнями людей на протяжении почти полутысячелетия, в интересующем нас аспекте едва ли возможно. Тем не менее, анализ имеющегося материала дает основания утверждать, что для берестяных грамот также характерны определенные закономерности постановки обращений — отчасти менее строгие, чем в случае «Слова...», но представляющие лингвистический интерес.

Берестяные письма почти не демонстрируют хронологически обусловленной грамматической эволюции в употреблении обращений. Разница между ранними и поздними грамотами существует, но она касается прежде всего содержания: если ранним грамотам свойственно замечательное разнообразие

*Автор выражает искреннюю благодарность М. А. Бобрик, А. А. Гиппиусу, А. М. Молдовану, А. В. Птенцовой, Д. В. Сичинаве и М. Н. Шевелёвой за важные замечания, дополнения и уточнения.

звательных форм, то челобитные второй половины XIV — XV в. в основном представляют собой упражнения по интродукции в текст бесчисленных вхождений слов **господине** и **господо**. Таким образом, в настоящей работе мы за немногими исключениями говорим о берестяных письмах как о едином корпусе.

Применительно к берестяным грамотам вопрос о месте форм обращения распадается на два более частных вопроса:

- 1) выбор между препозицией и интерпозицией;
- 2) для неначальных обращений — выбор места обращения внутри предложения.

1. Предложения с местоимением *ты*

Рассмотрим сначала предложения с местоимением *ты*. Для этих предложений действует простое и не знающее исключений правило: обращение (любого типа) ставится после местоимения. Заметим, что это же правило — также без исключений — действует в «Слове о полку Игореве» [Иткин 2025: 85, сн. 6].

Приведем весь имеющийся материал:

- (1) а **ТЫ** **ѐмѡ** **мѡлѡви** **ТЫ** **кнаже** **вѣдаешъ** **цѣт(ъ)** **мѡжъ** **мѡ[р]ѣ** **зимѡси** **възале** 794 (1160–1180)¹;
- (2) а **ТЫ** **спепанѣ** **пърѣпесаво** **на** **харотитиу** **посѣли** **жъ** (...) 831 (1140–1160);
- (3) а **ТЫ** **братъ** **нѣ** **дѣциси** **сдѣ** **ли** **ти** **буть** **тамо** **ли** **в** **соши** **ити** 68 (1240–1260);
- (4) · а **ТЫ** **нестѣре** **про** **чицакъ** **пришли** **ко** **мни** **грамоту** **с** **кимъ** **будешъ** **послалъ** · 358 (1340–1360);

¹ Берестяные грамоты, за исключением найденных в 2024–2025 гг., цитируются по сайту gramoty.ru (иногда с незначительными модификациями). Формы обращения выделяются подчеркиванием. После номера грамоты указывается (также в соответствии с данными этого сайта) так называемая «условная дата» — интервал в 10, 20 или 25 лет, к которому с наибольшей вероятностью может быть отнесен соответствующий документ. В списках однотипных примеров грамоты упорядочены от более ранних к более поздним, грамоты одного времени — по возрастанию номеров. Грамоты (кроме самых коротких), как правило, цитируются не полностью: приводится форма обращения и синтаксическая «окрестность», релевантная для определения ее положения во фразе. Опущенная нами часть текста внутри цитаты обозначается знаком <...>. Деление на строки не отмечается; исключение составляют пять грамот (301, 351, 352, 361 и 446), приведенных в работе целиком: для них деление на строки сохранено. Перевод дается лишь в случае необходимости.

(5) а (ты о)[с]подине прод[а](и) при собѣ (а с)еребро к собѣ возми 133 (1360–1380);

(6) а ты старосто свери 253 (1360–1380);

(7) а ты репехо слушатѣ домни и ты фовро 259/265 (1360–1380).

Здесь репехо — *nominativus pro vocativo*, фовро — либо такой же именительный падеж вместо звательного от имени фовръ, либо звательный от имени фовра [ДНД₂: 601].

(8) : а что бѣде надобѣ женѣ моѣи и ты братѣ смѣнѣ даи женѣ моѣи 414 (1340–1360);

(9) · и ты · осподине пошли по остатокъ 446 (1380–1400);

(10) и ты г[риго]-- ... 25 (1400–1410).

В [ДНД₂: 658] приведены два варианта перевода: ‘Так что ты, Григорий (или: ты Григорию) ...’ Первый из них, однако, значительно вероятнее: мы не смогли найти ни одного примера, когда бы одушевленное существительное, стоящее непосредственно после сочетания а ты ~ и ты, выступало не в функции обращения.

(11) и ты ѡдо · издѣи · при собѣ · да привези сѣмо · 125 (1400–1410);

(12) и ты ѡспѣднѣ · прикажи всакоѹ слово 243 (1420–1430).

Если за местоимением *ты* следует энклитика, обращение в соответствии с общим правилом (см. ниже) ставится после нее. Оба ныне известных примера такого типа встретились в одной и той же грамоте № 531 — письме от Анны к ее брату Климяте:

(13) ты же браце господине молови емо тако 531 (1200–1220);

(14) ты пако братѣ испытаво которое слово звело на ма и пороукоу 531 (1200–1220).

Частица *пакъ* (примерное значение — ‘как раз, кстати’) обычно не рассматривалась в числе раннедревнерусских фразовых энклитик; при этом, как показала К. Ю. Дойкина, в полоцких грамотах XIII–XVI вв. эта частица выступает именно как энклитика, располагающаяся после других энклитик в цепочке [Дойкина 2019: 405]. И в грамоте № 531, и в двух других примерах из грамот пакъ также занимает строго вакернагелевскую позицию²:

а кѣде ти пакъ покажетъ ... 1025 (1180–1200).

² То же справедливо и для обоих вхождений этой частицы в Киевской летописи: а па пакъ чѣлъ (‘цел’) придоу к вамъ; пожьжемъ володимѣрь. аъ пакъ иного посадника в немъ посадимъ.

(К сожалению, не вполне ясно, что здесь представляет собой слово **ти** — частицу или местоимение [НГБ XII: 124].)

І тѣ до углеца и ту пакъ дружина 69 (1280–1300).

Два примера, где встретилась форма **пакы**: **а се пакы шьдоши воземи десать гривно ногами** 227 (1160–1180) ‘А вот еще что: сходи возьми десять гривен ногами...’ и **ни мнѣ пакы грѣшенъа** в найденной в 2024 г. грамоте № 1229 (рубеж XI–XII вв.), — не противоречат такой трактовке, однако к отождествлению *пакъ* и *пакы* следует подходить с осторожностью³.

Только в примере (1) местоимение **тѣ** (во втором своем вхождении) выступает не в сопровождении клитик. Это обусловлено его очень специфической позицией — в абсолютном начале прямой речи, «надиктованной» автором грамоты Петром своей жене Марене. В примерах (2)–(7) **тѣ** стоит после союза **а**, в примерах (8)–(12) — после союза **и**, в примерах (13)–(14) — перед энклитиками. Как видно, модели «**а тѣ**, X, ...» и «**и тѣ**, X, ...» обнаруживают тенденцию к хронологическому распределению: первая из них уступает место второй к концу XIV в. Как указала М. Н. Шевелёва (личное сообщение), мы наблюдаем здесь тот же процесс замены союза *а* союзом *и*, что и в начале главного предложения, стоящего после придаточного [ДНД₂: 191]. В некоторых случаях речь идет просто об одних и тех же фразах — ср., например, грамоту № 414 (пример (8)).

В дальнейшем разборе примеры (1)–(14) в общие подсчеты не включены.

2. Выбор между препозицией и интерпозицией

Для описания тенденций выбора между препозицией и интерпозицией нам будет необходимо разделение всех предложений, встречающихся в грамотах, на два типа — предложения с инициальной (ПСИ) и безынициальные предложения (БП).

Предложение относится к числу **предложений с инициальной**, если оно начинается:

- а) с односложного проклитического союза (реально в корпусе грамот в предложениях с обращениями засвидетельствованы **а**, **и**, **да**, **та**);
- б) с неодносложного союза (**аже**, **аче**, **дать**, **зандо**, **зане**, **или**, **ино**);

³ Более того: с учетом наличия в грамоте № 1229 ряда книжных элементов [Гиппиус 2025: 34–35] кажется возможным считаться даже с гипотезой о том, что мы имеем здесь дело со сложным словом **пакыгрѣшенъа** ‘многогрешной (?)’ — ср. хорошо известный термин *пакыбытие* ‘возрождение, новое рождение’ и другие композиты с той же начальной частью [СлРЯ XI–XVII, 14: 127–128].

- в) с вопросительно-относительного местоименного слова с основой *к- (какъ, чему, что (чо)).

Все прочие предложения относятся к числу **безынициальных**.

Для **безынициальных предложений** значимо противопоставление неоднословных (распространенных) и однословных обращений. Неоднословные обращения в предложениях этого типа выносятся в препозицию:

- (15) ... (къ мила)т[ѣ б]ратъ милато кыевѣ : бѣгъ : мѣжи нама послоухо бѣлъ : 675 (1140–1160);
 (16) + ѿ ане покло ко климате брате господине попецалоуи о моемю орудье коснатиноу 531 (1200–1220);
 (17) братъ Остафе : посла'лъ с тобою юмь рубле : · Вол. 1 (1320–1340).

Сюда же примыкает знаменитый пример (вопрос о количестве и внутренней структуре обращений в этой фразе, очевидно, может решаться по-разному):

- (18) аковѣ братѣ еби лежа ебехото лесово Ст. Р. 35 (1140–1160).

Бесспорных исключений из данной закономерности нет вообще; правда, неоднословных обращений в берестяных грамотах очень мало (немногим более десятка; однословных — ближе к двумстам), так что заключения, относящиеся к ним, со статистической точки зрения заведомо ненадежны. Имеется, однако, следующий пример:

- (19) поклоно ѿну-ѳѣа ко пос(адни)[ку к онси](ѳору) - - - - - і смѣну господине ѿнси-ѳоре роба і холопо твоі дѣтѣ моі у мене невѣрови[ци] 98/100 (1340–1360).

Трактовка формы **смѣну** как части адресной формулы признается маловероятной, поскольку в этом случае ожидался бы повтор предлога **к** [ДНД₂: 553]. Но при конъектуре типа (ізвѣта)і смѣну [Там же] расположение обращения **господине ѿнси-ѳоре** оказывается аномальным как с точки зрения выбора между препозицией и интерпозицией, так и с точки зрения правил постановки неначальных обращений (см. ниже). Это заставляет вернуться к возможности восстанавливать в начале грамоты конструкцию типа **поклоно ѿну-ѳѣа ко пос(адни)[ку к онси](ѳору к микулѣ) і смѣну**; в корпусе грамот имеются два письма, датируемых лишь чуть более поздним временем, чем грамота № 98/100, в которых предлог **к** перед именем последнего адресата опущен:

- поклоно ѿ бориса к зѣновѣ і феѳору 579 (1360–1380);
 поклонъ ѿ потра ко смону и ко ѿковоу и ко кремѣи · и степапоу 949 (1360–1380).

При таком решении место оборота господине ѡсподѣ соответствует общим правилам.

Препозиция однословных обращений в безынициальных предложениях также возможна, однако интерпозиция представлена значительно чаще: примеров первого типа насчитывается около 10, примеров второго типа — около 50. Никакого распределения между двумя конкурирующими стратегиями не усматривается.

Перечислим все случаи препозиции:

- (20) маренко пѣи пизда и сѣкѣи 955 (1140–1160);
- (21) ити ти ми к[ъ]ѣ[в]ѣ [ѣ]ра[тъ] сотвори жь ми добро 829 (1160–1180);
- (22) + покланание ѿ данила ко брату к ѡгнату братъ попецалиса о мне хожю ти наго 765 (1240–1260);
- (23) курѣ даи грѣвну і · ѣ · кунъ 1054 (1260–1280);
- (24) поклоно ѿ давида къ матѣю къмѣ не и[з]м[о]т[ѣ](въ)... 146 (1320–1340);
- (25) ѿ миѡанла поклоно к офоносу и к те{ѣ}ретнио ѡсподине пост[о]ить в орюдии томъ за родника моѣго теретиа и за братана ѡго 1097 (1360–1380);
- (26) ѡсподине ѡ всѣмъ то^{мо} понаболисе 359 (1400–1410);
- (27) гѣже · анѣ <...> и гнѣ · ондрѣю и · олександрѣ · осподо изъбѣжени есма · ѡт · степаца · ѡт · посадница · 1171 (1420–1430).

Следующие три примера менее показательны:

- (28) во----о не [о]станеть ти са ни моужѣ... 150 (1180–1200).

«Перед не [о]станеть остатки букв в принципе допускают реконструкцию во(е)[вод]о; но это весьма ненадежно» [ДНД₂: 453]. А. А. Гиппиус (личное сообщение) подтвердил вывод А. А. Зализняка о ненадежности конъектуры во(е)[вод]о, указав в качестве одной из возможных альтернатив чтение во (бр)[од]о.

- (29) поклоно ѿ иева ко прокопѣ господ(ине) ... 148 (1280–1300).

Здесь маловероятно, но все же мыслимо неоднословное обращение — например, господ(ине братѣ).

- (30) бѣ [д]ѣ[л]а гнѣ ѡб[оро]ни 474 (1380–1400).

А. А. Зализняк указывает на наличие после начального вводного слова обязательного ритмико-синтаксического барьера [Зализняк 2008: 54], приводя в том числе пример с тем же самым выражением из другой берестяной

грамоты: а бѣ дѣла отъгъци(сѧ) 839 (1140–1160) [Там же: 91]. Однако, как кажется, нельзя полностью исключать возможность просодического объединения вводного оборота и следующего за ним вокатива.

Для предложений с инициальной абсолютной нормой является интерпозиция обращения. Таких примеров в грамотах более 60, тогда как пример с препозицией мы смогли обнаружить всего один:

- (31) покло ѿ парфѣниа к угуману осподине како късмъ порадиесе тако и живу 359 (1400–1410).

Поскольку в грамоте № 359 есть еще один, менее «вопиющий» случай препозиции — см. выше пример (26), — не исключено, что в идиолекте (или в берестяном этикете) Парфения обращения могли стоять только в абсолютном начале фразы (любой структуры). См., однако, ниже комментарий к примеру (113).

Многочисленные примеры интерпозиции обращений как в БП, так и в ПСИ приведены в следующих разделах.

3. Позиция неначального обращения: общий случай

Надежных примеров интерпозиции обращений в берестяных грамотах более 100. В значительном большинстве случаев неначальное обращение стоит в вакернагелевской позиции, при наличии в этой позиции энклитик — после всех энклитик.

Приведем прежде всего все примеры, в которых позицию после первой тактовой группы занимает распространенное обращение; как было оговорено выше, такие примеры встретились только в ПСИ:

- (32) и покланяю ти сѧ братъѹ мои 605 (1100–1120);
 (33) да молю ти сѧ госъпоже ка моѧ да посълѧ во борожь 682 (1160–1180);
 (34) а нѣнеца господине брате согадаво со воелавомо молови емоу 531 (1200–1220).

Следующий пример неоднозначен:

- (35) а другоѹ осподине сѧ вѣдѧ престола в[о цѣр](кѣѧ) [ѿ]- - - - (-) 963 (1410–1420).

В издании дан перевод ‘А другое [дело], господин святой владыка: престол в церкви от...’ [НГБ XII: 74], однако логически вполне мыслимо и несколько иное членение: ‘А [про] другое: господин святой владыка, престол в церкви от...’ Позиция обращения оказывается правильной при

обоих возможных пониманиях (ваккернагелевская позиция в ПСИ vs. препозиция в БП), но эта правильность обеспечивается двумя разными синтаксическими механизмами.

Несмотря на скудость данных по распространенным обращениям, контраст между примерами (15)–(17) с одной стороны и примерами (32)–(34) с другой едва ли может быть следствием простой случайности. Нельзя не восхищаться создательницей грамоты № 531 Анной: она великодушно предоставила в наше распоряжение образцы употребления распространенного обращения во всех трех основных типах контекстов: **ТЫ ЖЕ БРАЦЕ ГОСПОДИНЕ МОЛОВИ ЕМО ТАКО** (позиция после местоимения **ТЫ**) ~ **БРАТЕ ГОСПОДИНЕ ПОПЕЦДЛОУИ...** (начальная позиция в БП) ~ **А НЫНЕЦА ГОСПОДИНЕ БРАТЕ...** (ваккернагелевская интерпозиция в ПСИ).

Примеры однословных обращений в ПСИ:

а) при односложном (проклитическом) союзе:

(36) **А УОМИЛОСЕДРИ[С]А БРАТЬ ДАЕ МИ МЕСТО ЗАДИ** 765 (1240–1260);

(37) **А ГРА(МО)[ТЪ] ГОСПОДИНЕ ВОЗМИ ДВОРНЮЮ 8 ЮМИНЬ ЖЕНЕ** 55 (1300–1320).

По терминологии А. А. Зализняка, в грамоте № 55 представлен охват сказуемого (гра(мо)[тъ] <...> **ВОЗМИ ДВОРНЮЮ**) [Зализняк 2008: 16].

(38) **А АС ТИ ОСПОДИНЕ БУДУ А А БОРЗО БУДУ** 131 (1360–1380).

Согласно [ДНД₂: 621–622], **ТИ** в этом примере — не местоимение, а усилительная частица.

(39) **· И АЗЪ БЫХЪ ГНЕ СОБЪ ЙЗБУ ПОСТАВИЛЕ** 610 (1360–1380).

Кроме частотной энклитики *бы*, в берестяных грамотах несколько раз встретились другие показатели сослагательного наклонения. Как отмечает А. А. Зализняк, соответствующие примеры «допускают интерпретацию словоформ *быхъ*, *быш<ь>* как энклитик; но для вывода о том, что они действительно уже стали регулярными энклитиками, этого, разумеется, недостаточно» [Зализняк 2008: 34]. Как представляется, позиция обращения в примере (39) служит весомым свидетельством в пользу энклитического характера формы **БЫХЪ**.

(40) **ДА ЦТО БЫ ЕСИ ГОСПОДИ(НЕ) ЛИЛЕСЬ** 1132 (1360–1380);

(41)–(42) **І [А О](СПО)ДИНЬ КОНЮ ЗОВУ : І : СЫ ОСПОДИНЬ КОНЮ НЬ ЪДЬ** 305 (1400–1410);

(43) **И ОНКЪФ[Ъ] ГНЕ НЕ ВОЖЕВАЛЪ ·** 312 (1410–1420);

(44) **ТА ЕЩО МА ОСПНЕ НАПРАСНО ПРОДАЛЪ** 494/469 (1410–1420);

(45) и цто бѣ ѳси ОСПОДИНЕ к СТѢ БЦИ того дѣака поставилъ попомъ 963 (1410–1420);

(46) ... а намъ ОСПО[Д.]ЕНЕ дати силѣ нѣтъ 1155 (1420–1430).

Скорее всего, к этой же группе должен быть отнесен и следующий пример:

(47) ... [нѣнѣ]ца УСПО(ДО К)[А]К[О] пом[ѣш](ла)[ѣ]те 304 (1420–1430).

В берестяных грамотах наречие нѣнѣца (в разных его вариантах) почти всегда стоит после союза а, ср. [ДНД₂: 766–767; Зализняк 2008: 98, сн. 26].

б) при неодносложном союзе:

(48) а[ѣ]е ли ти БРАТ[Ъ]Е винъ л[ю]дѣ на ма не ищ[ѣ]тъ 724 (1160–1180);

(49) ЗАНДО ГНЕ не можемъ ницимъ кѣму оудобритиса · 94 (1400–1410);

(50) · аже УГН(ѣ) ... 166 (1400–1410).

Формально в грамоте № 166 не исключено неоднословное обращение.

(51) ЗАНЕ жь · ЮПОДО сено косать ѿ петрове дни 962 (1430–1450).

(В издании — ЗАНЕЖЬ [НГБ XII: 69], но мы не видим специальных оснований для такого словоделения.)

в) при начальном местоименном слове:

(52) ЦМОУ БРА(ТЕ) (--) (бѣ не б)ѣишиса · 548 (1180–1200);

(53) · сто бѣ ѳси · ГОСПОДИНЕ Окупи е · і(хъ і с)лово положи е со мною · 102 (1340–1360);

(54) УТО ѳси ОС[ПО](Д)[И](НЕ пожаловалъ л[они р]убльмо насъ 1076 (1340–1360);

(55) УТО бѣ ѳси ГНЕ дале мѣсце мнѣ на дорѣ · 610 (1360–1380);

(56) УО би · ГОСПОДИНЕ попецели еса · зоронами · 167 (1380–1400);

(57) како са УСПОДИНЕ нами своими хрестіанъ попецалише 310 (1400–1410);

(58) · какъ се ГДО мною попецалуєте и моими дѣтми · 49 (1410–1420).

Здесь се = с<а> [ДНД₂: 188], ср. предыдущий пример.

(59) какъ ОСПОДИНЕ О томъ оукаже(шь) 963 (1410–1420).

Примеры неначальных однословных обращений в БП:

(60) + ѿ брататѣ кѣ нежилоу поиди СОУНОУ домовъ 421 (1120–1140);

(61) не моги же ми МАТОКО согрѣ(шити) 227 (1160–1180);

- (62) порозымѣте брѣтьє емѣ даѣе что въ с[є] (-)емѣ състане тагота тамѣ
и съ дрѣжиною егѣ · 724 (1160–1180);
- (63) ⁺ω творимира ко ѣѣмѣ кланяюса брѣть прихажай во дворо : 82
(1180–1200);
- (64) а мѣлвита : посли вороже : цужу хѣлъстиною : 1113 (1180–1200);
- (65) поклоно ѿ подвоискаго ко ѣилипу нѣ пожали г(ос)подинѣ про сигы
ѣще сегово нѣту 147 (1220–1240);
- (66) за цето еси ѣв гривни ѣзале мое лише возми захарие ѣ попа · 483
(1260–1280).

Значение и синтаксическая функция слова **лише** устанавливается не совсем надежно: ср. [ДНД₂: 496], иначе А. А. Гиппиус в [НГБ XII: 243–244].

- (67) поклоне ѿ Ѧндреѣ · к кѣва · и к микифору про · [с](є)[рѣ]бро ѡжупи
· ѡсподинѣ · насѣ · 1163 (1300–1320);
- (68) покло ѿ ѡлѣскадра к матѣрь мѡвли данило григанѣ Ст. Р. 46
(1320–1340);
- (69)–(70) за то господи(нѣ) ... <...> да и господинѣ ... 756 (1360–1380).

Здесь **да и** ‘дай’. Формально в обоих случаях возможно неоднословное обращение, но фактически это неправдоподобно.

- (71) Ѧгнѣ кѣлизару много ѣеломѣ бию послаалѣ кѣмѣ Ѧгнѣ к тобѣ
с ларишнѣ(цмѣ) [ѣр] · клѣщѣѣ 964 (1360–1380);
- (72) ...у [п]ос[а](д)и ма гнѣ на лу(ѣа)нинѡвѣ мѣстѣ ... 1065 (1380–
1400);
- (73)–(74) поѣхали ѣсмы гнѣ на кострому <...> по томо гнѣ взала
к бѣл да полѣтину Мос. 4 (1380–1400);
- (75)–(76) поклоно ѿ карпа · к ѡсподину · моѣму ѡми · бѣло кѣми
ѡсподинѣ на пустоѣржи · <...> нѣмногѡ ѡсподинѣ · ржи · на твою ·
цастѣ · 23 (1400–1410);
- (77)–(78) · того гнѣ съ села (гонить сѣ)[го] гнѣ го]нить · 94 (1400–
1410);
- (79)–(80) · нонѣ ѡсподинѣ ѡлѣксѣи не хѡѣе намѣ ржѣ дати <...>
на дѣѣмса ѡсподинѣ · на бога · и на теба на своѣго ѡсподна
310 (1400–1410);
- (81) ѡсподину архѣѣпискупу новѣгоцкому <...> тебѣ лѡмѣ бѣютѣ вси
ѿ мала и до велика ѡсподарю послали кѣсме ѡсподинѣ дѣака
ѡлѣкскадра 963 (1410–1420);
- (82)–(83) толко ѡспо имѣте мене жалѡвать · ѡѣтошлите ѡсподо {п} ко
мнѣ грамѡтъку · до петрова днѣ · 962 (1430–1450).

Приведем также целиком тексты трех грамот, наглядно иллюстрирующие многократное образцово «вакернагелевское» употребление обращения *господине* в предложениях различной структуры (как БП, так и ПСИ, с предшествующими энклитиками и без энклитик и т. д.):

(84)–(88) 361 (1380–1400):

поклонъ ѿ шижнанъ и ѿ братиловиць
 гну якову поѣди гнѣ по свою верешъ дати
 гнѣ не гнѣѣ а нѣнѣца ксѣмѣ гнѣ погибли
 верешъ позабѣла сѣѣти гнѣ не чѣго ѿ кѣ
 сти тако же не чѣго въ гнѣ промежю собо
 ю исправъ не учините а мѣ промежю ва
 ми поги
 бли

(89)–(93)⁴ 446 (1380–1400):

поклонъ · ѿ кондрата · осподину своему юрью
 и ѿо всиѣхъ сѣланъ · что кси · осподине конѣ подава
 лъ · и тѣи · осподине · конѣ · захарѣа въдава
 ть · оу насъ · что бѣ ксѣ осподине · оу
 налъ кѣго · или осподине · не оуимешъ · и тѣ · оспо
дине · пошли по остатокъ · а намъ
осподине · немоч[ь]но жить ·

(94)–(96) 301 (1420–1430):

осподиню миѣхилу юрьвицу синю посадницу
 паробокъ твои кѣла · цоло бѣи како осподине по
 жалуюши волости половина пуста и которъ
 осталѣса · ѿ ти хота жалуби хота осподине
 жалоби цо бѣ осподине подати оубавити
 а тоби своему осподиню цоломи бѣю

⁴ Фраза · и тѣ · осподине · пошли по остатокъ · уже была рассмотрена нами выше (см. раздел 1, пример (9)), поэтому в настоящем разделе она не учтена при сквозной нумерации.

Шесть «вакернагелевских» форм обращения в коротком тексте — не рекорд для новгородских документов. В жалобе вдовы Александра из так называемого «Списка убытков новгородцев» [Хорошкевич 1964: 273–276; ДНД₂: 686–692] начала XV в. (о порядке статей в «Списке...» и его датировке см. ныне [Полехов 2023]) семь раз встретилась форма *огдо* (*огда*) — также без единого отклонения от закона Вакернагеля. Как отмечает А. А. Зализняк, жалоба вдовы входит в число статей списка, написанных «на почти чистом др.-новг. диалекте» [ДНД₂: 691].

Специально отметим, что в грамоте № 301 форма **ѡсподинѣ** вклинена внутрь сочетания **хѡта жалоби** ‘хотят пожалования’, ослабляя драматический повтор.

В заключение настоящего параграфа перечислим без разделения на типы предложений номера всех остальных грамот⁵, в которых имеются примеры употребления однословных обращений в вакернагелевской позиции, не требующие специального разбора: 67 (1300–1320), (?) 4 (1320–1340), (?) 101 (1340–1360)⁶, 1076 (1340–1360), 372 (1360–1380), 594 (1360–1380), 964 (1360–1380), 135 (1380–1400), 257 (1380–1400), (?) 1074 (1380–1400), 1094 (1380–1400), 94 (1400–1410), 1136 (1400–1410), 1137 (1400–1410) [3х], 17 (1410–1420), (?) 18 (1410–1420)⁷, 313 (1410–1420), 242 (1420–1430) [2х], 243 (1420–1430), 302 (1420–1430), 307 (1420–1430) [2х], 466 (1420–1430).

4. Ритмико-синтаксический барьер после неначального обращения

Согласно А. А. Зализняку, после неначального обращения, перед которым по той или иной причине имеется ритмико-синтаксический барьер, возникает «полуобязательный барьер», нерелевантный для сильных энклитик, но требующий отнесения вправо слабых [Зализняк 2008: 55]. На наш взгляд, механизм данного явления должен быть интерпретирован иначе, однако этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи; здесь мы лишь перечислим все достаточно надежные примеры полуобязательных барьеров после обращения:

(97) + **се илько пок[л](спали т)и ма** · 834 (1140–1160).

Одвойственном поведении частицы **се** см. [ДНД₂: 187–188; Зализняк 2008: 75, 91]. Сочетание **се** с обращением нередко дает ритмико-синтаксический барьер. В примерах, подобных данному, такой эффект хорошо объясним семантически: **се** здесь обозначает нечто вроде ‘Вот какое дело: ...’.

(98) **по томо гнѣ добили ꙗ[с](мѣ)** ... 691 (1360–1380);

(99) **азъ ѡсподинѣ в томъ кони по(гибель єсм)[ъ]** : 305 (1400–1410).

За начальным **азъ** стоит <*a азъ*> [ДНД₂: 71–73], т. е. это предложение относится к числу ПСИ. Для конечной части фразы мы принимаем конъектуру А. А. Гиппиуса [Гиппиус, Сичинава 2021: 198]. Как указывает А. А. Гиппиус, эта реконструкция предполагает наличие ритмико-синтаксического барьера;

⁵ Разумеется, мы не можем исключать наличия в этом списке случайных пропусков.

⁶ **є гн(є)**... ‘Есть, господин...’ [Гиппиус, Сичинава 2021: 185–186].

⁷ С учетом высоковероятной конъектуры А. А. Зализняка (*a ны)нѣ гѣе буде ѿ ва(сь)* ... [НГБ X: 83].

говоря более формально, просодическое членение рассматриваемой фразы должно иметь вид *а.зѣ // осподинѣ // в томѣ кони // по(гибель есм)[ѣ]* :. Такая структура необычна, но возможна — ср., в частности, приводимый А. А. Зализняком похожий пример из Киевской летописи: *я, // брате, // тѣмъ // не трудень есмь* [Зализняк 2008: 96].

(100)–(101) · *нонѣ · ѡсподо* *подовалѣ ꙗси пожни вашимъ здоровьѣмъ <...>*
нонѣ ѡсподо *какъ о мнѣ са печалутеса* : 962 (1430–1450).

«Для фразы *нонѣ, осподо, подовалѣ ꙗси пожни вашимъ здоровьѣмъ* необходимо принять предположение А. А. Гиппиуса о том, что *ꙗси* — это ошибка вместо *ꙗсмь* (или *ꙗсми*)» [НГБ XII: 70]. В примере (101) представлено так называемое «двойное *са*» [ДНД₂: 189]; «судя по позиции первого *са*, слово *какъ* подверглось вторичной проклitze <...>, т. е. *какъ о мнѣ* — единая тактовая группа» [НГБ XII: 72].

См. также ниже пример (115) с сильной энклитикой *бѣ*.

Мы не рассматриваем в этом разделе случаи постановки *са* после глагола, потому что предложения с обращениями не обнаруживают в этом отношении никакой специфики; из примеров, приведенных выше, таковы (49), (52), (56).

Поскольку в поздних грамотах «препозиция *са* сохраняется <...> в основном лишь в предложениях с местоимением (или местоименным наречием) в первой тактовой группе» [ДНД₂: 188], следующая фраза выглядит необычно:

(102) ... *а зѣмла [г](н)ѣ сама са окупить твоимъ здоровьѣмъ* 104
 (1360–1380).

По-видимому, этот пример может служить иллюстрацией к наблюдению А. А. Зализняка, согласно которому «словосочетание *самъ са* в значении ‘сам себя’ обнаруживает (в особенности в поздних памятниках) сильную тенденцию к превращению в целостную единицу, не подчиняющуюся более правилам об энклитиках» [Зализняк 2008: 62]; иначе говоря, препозиции *са* в строгом смысле слова в этом предложении нет.

Без учета примеров с *са* случаев разделения энклитик в предложениях с обращениями в корпусе берестяных писем нам обнаружить не удалось.

5. Позиция неначального обращения: некоторые спорные случаи

(103) *поѣдѣ · онанья · тебѣ · зове ста...* 312 (1410–1420).

А. А. Зализняк предлагает для этого места перевод ‘Поезжай, Онанья-староста (?) тебя вызывает...’ [ДНД₂: 685]. Перевод ‘Поезжай, Онанья,

тебя вызывает староста...’ (конъектура ста(роста) кажется высоковероятной при любой трактовке) выглядит, быть может, несколько более естественным⁸; он, однако, имеет тот существенный недостаток, что форму **ОНАНЫ** при этом приходится трактовать как номинатив, употребленный в функции вокатива. Хотя в корпусе берестяных писем есть случай аналогичной замены (см. пример (7); грамота № 259/265 датируется даже несколько более ранним временем), такая интерпретация, конечно, не может считаться надежной.

(104) ... **ОСПІНЄ** село єремкинское і кокова **ОСПІНЄ** у мене **ОТНАЛЪ** 494/469 (1410–1420).

Статус отрезка село єремкинское і кокова неясен. Восходящий к изданию перевод ‘участок Еремкин и участок Кокова’ [ДНД₂: 664] представляется не бесспорным и сам по себе: неясно, допускал ли древнерусский язык, в отличие от современного русского, такой тип эллипсиса. Но едва ли не большая проблема состоит в том, что такое прочтение влечет за собой реконструкцию типа ‘... [такой-то], господин, участок Еремкин и участок Кокова у меня отнял’ [Там же]: двукратное употребление одного и того же обращения при одном сказуемом, по-видимому, было бы для берестяных грамот беспрецедентным (в переводе А. А. Зализняка второе ‘господин’ показательным образом опущено).

Все становится на свои места (в буквальном смысле), если допустить, что последовательность село єремкинское і кокова находится на стыке двух разных клауз, т. е. перед нами заключительная часть жалобы типа ‘...А Петр разбойничает: пограбил, господин, участок Еремкин (или: ‘село <под названием> Еремкинское’) и Кокова, господин, у меня отнял’. В качестве некоторой параллели можно вспомнить, что адресат грамоты № 831 Рагуил «поял» (непонятно, силой или как-то еще) у ее адресанта Кузьмы двух рабынь и юношу-раба. Но, разумеется, такая реконструкция, предполагающая, что автор челобитной сам был владельцем каких-то холопов, остается сугубо гипотетической.

6. Позиция неначального обращения: отклонения

В общей сложности мы выявили 14 примеров (включая не вполне надежные), в которых позиция неначального обращения не соответствует ожидаемой. Во всех этих случаях, кроме одного, обращение стоит правее (обычно на

⁸ Впрочем, применительно к берестяным грамотам сплошь и рядом оказывается, что «более естественный» означает «неоправданно близкий к современному языку».

одно слово), чем предписывает закон Ваккернагеля, и лишь в примере (125) — на одно слово левее, вклиниваясь в блок энклитик.

а) сочетания с полноударными местоимениями в дат. п.:

(105) · а сиротѣ тобѣ *осподине* и по томъ прихода куньницею на годъ · 31 (1340–1360)⁹;

(106) а ми тоби *огни* *офано*се кланяе^сме 406 (1360–1380);

(107) а азъ тобѣ *гнѣ* цоломъ бию · 610 (1360–1380);

(108)–(109) гнѹ ми^хаилу юрьквичю бють чело^мъ хр^стане ч^еренцани
чо кси *гнѣ* велѣлъ намъ перест(а)вливати дворъ и ключникъ
намъ *гнѣ* велитъ пер(е)[с]та(вливати) 157 (1410–1420).

Примеры (105)–(107), относящиеся к трем разным грамотам, несомненно представляют собой результат действия некоторого частного правила. Примеры, аналогичные примеру (109), обнаруживаются в «Задонщине» — ср., в частности, следующий примечательный пассаж: *Гдѣрь кнѣзь Дмитрии Иванович, лучъжи ш бы нам, гдѣ, посеченым быти...* (список С). Добавив во фразу из «Слова о полку Игореве» (*братіе и дружино луце жъ бы потяту быти...*) отсутствующие «в оригинале» местоимение *нам* и обращение *господине*, автор (или редактор) «Задонщины» был волен в выборе их взаимного расположения.

Все четыре грамоты, в которых представлена последовательность «местоимение в дат. п. + обращение», — поздние. В ранних грамотах соответствующая конструкция не встретилась. Располагаем ли мы какими-либо косвенными данными для реконструкции древнейшего состояния? А. А. Зализняк считает использование полноударной формы местоимения 2-го лица перед относящимся к нему обращением нормой, а использование энклитики — редким отклонением [Зализняк 2008: 132]. Мы не можем согласиться с такой оценкой. Вот лишь некоторые из многих десятков примеров употребления в этой позиции энклитических форм местоимений в разных по жанру и происхождению памятниках XI–XIII вв., обнаруживающихся в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ)¹⁰:

· показаю ти *снѹ* мои · (Изборник 1076 г.);

слава ти вл^дко *ѡ*вл^колю^бе^уе («Сказание о Борисе и Глебе»);

молю вы брат^е (Поучения св. Евсевия);

· то и азъ ти ч^адо боуд^{оу} грѣшникъ послу^{хъ} · и оучитель («Предсловие покаянию»);

⁹ Отклоняющиеся формы здесь и далее выделены курсивом.

¹⁰ Здесь и ниже дата обращения — 10.05.2025 г.

егда преже похода твоего иженѣть та снѣ («Повесть об Акире Премудром»);
 вижу та, акире (Там же);
 исповѣдоую ти оудре свое оумапакоуѣ («История Иудейской войны»
 Иосифа Флавия);
 бл҃годарствую та ст҃це бж҃и («Житие Василия Нового»);
 ѡже ти бра(ѣ) не досити волости всю землю роускою. держачи
 (Киевская летопись);
 и ꙗще молю та вл(д)ко (Молитвы Кирилла Туровского);
 доуѣ ти княже кличѣтъ («Слово о полку Игореве»);
 молю вы бр(а)тѣ и снѣ («Поучения Серапиона»).

Выразительную картину демонстрируют новгородские пергаменные грамоты. Так, в двух проектах договора Новгорода с князем Ярославом Ярославичем (1264) оборот **ти кнѣ** встретился в общей сложности 16 раз, а оборот **тобѣ кнѣ** — ни разу. Даже сто с небольшим лет спустя, в проекте договора с князем Михайлой Александровичем (1371), соотношение этих двух вариантов составляет 6 : 4 в пользу энклитики. Поскольку общая тенденция состоит в вытеснении энклитических форм полноударными, вариант с **ти** во всех этих случаях может быть только исходным.

Таким образом, есть основания полагать, что в раннедревнерусский период для местоимений 2-го лица позиция перед обращением не была выделенной и не благоприятствовала специальным образом замене энклитик полноударными формами. Все три примера (105)–(107) имеют идентичную и предельно простую структуру: «а + подлежащее + **тобѣ** + обращение». В работе [Циммерлинг 2002: 162] высказана представляющаяся очень глубокой мысль о том, что цепочку энклитик «возможно интерпретировать как нарративный стереотип, генерализующий наиболее типичную коммуникативную стратегию». Стандартным эпистолярным формулам, бесспорно, обучали — ср. знаменитое **поклоно ѿ онѣима ко данилѣ** в грамоте № 199, написанной мальчиком Онфимом [ДНД₂: 478]. Соблазнительным поэтому выглядит предположение, что рассматриваемая конструкция сменила незасвидетельствованную конструкцию «а + подлежащее + **ти** + обращение», в которой позиция звательной формы была совершенно закономерной.

Исключительно важно, что в корпусе берестяных писем есть фраза, которая практически наверняка указывает на аналогичную смену механизма применительно к взаимной расстановке самих местоименных форм:

а · азо **тобѣ** са **кланаю** · 186 (1360–1380).

«В а азо **тобѣ** са **кланаю** отразилось начало разрушения древних правил расположения энклитик (§ 4.27): эта фраза просто копирует древнее а *азъ*

ти сА кланАю с механической заменой старого *ти* на обычное для XIV века *тобѣ* (тогда как в древности такая замена привела бы к изменению порядка слов: *а ѡзѣ сА тобѣ кланАю*)» [ДНД₂: 618–619].

Примерам (105)–(107) противостоит следующий пример:

(110) *поклонѣ · ѿ ѡнцифора · к бабѣ · к марѣмьнѣ · что ꙗсми г҃ѣ
тобѣ даль · полтину · дати биричу а грамота взать · 578
(1360–1380).*

Конструкция с обращением имеет здесь более сложную и менее стандартную структуру, а в ее гипотетическом раннедревнерусском «прототипе» (<*что ти ꙗсми госпоже даль полтину*>) энклитика дат. п. не занимала бы позицию непосредственно перед обращением.

Ту же структуру (с *и* вместо *а*) имеет и пример (109). Этот пример, в свою очередь, противопоставлен примеру (108), непосредственно предшествующему ему в тексте грамоты № 157. В примере (108), как и в примере (110), местоимение отнесено вправо. Правда, сочетание «энклитическое местоимение 1-го л. мн. ч. в дат. п. + обращение» и в раннедревнерусском, по-видимому, встречалось исключительно редко: поиск по НКРЯ позволяет обнаружить единственный пример, дважды (оба раза с небольшими искажениями) приведенный в Ипатьевском своде — в Киевской летописи (*добро бы ны ны (sic!) г҃ѣне с тобою оумрети. створшемоу толикою свободоу новгородыцѣмь*) и в Волынской летописи (*добрыи ны г҃ѣне. с тобою оумрети. створшемоу толикю свободу*).

б) сочетания с полноударными местоимениями в вин. п.:

(111) *и позовале насъ · господине на комель* 929 (1280–1300).

Комментарий А. А. Зализняка: «Поскольку текст начинается с союза *и*, следует полагать, что это конец двухлистового письма. *Господине* в принципе может быть формой И. падежа ('И позвал нас господин на Комель'); но более вероятно, что это звательная форма ('И [он] позвал нас, господин, на Комель'), а подлежащее к *позвале* стояло на предыдущем листе» [ДНД₂: 561]. Оценить соотношение этих двух вероятностей позволяет простое соображение, что им. п. ед. ч. слова *господинъ* ~ *осподинъ* надежно не засвидетельствован в берестяных грамотах ни разу, а зв. п. — значительно более 100 раз.

(112) *юры с матрью насъ г҃не оуверънулъ взадъ* Мос. 4 (1380–1400).

Грамота Мос. 4 написана не на древненовгородском диалекте [Беляев и др. 2019: 26]; но поскольку в двух других случаях место формы *г҃не* в этой

грамоте в точности соответствует ожидаемому (см. выше примеры (73)–(74)), нет причин считать, что в идиолекте ее автора правила расстановки обращений были какими-то иными.

Фраза начинается с двучленной актантной группы, после которой теоретически возможно усматривать ритмико-синтаксический барьер [Зализняк 2008: 114]. Однако сравнение с примерами (105)–(107) и (109), а также с примерами из «Задонщины» дает основания полагать, что и примеры (111)–(112) являются результатом трансформации раннедревнерусской цепочки вида «начальная тактовая группа + энклитическое местоимение + обращение» в позднедревнерусскую цепочку вида «начальная составляющая + полноударное местоимение + обращение». Если порядок элементов в цепочке первого типа был жестким, поскольку определялся законом Вакернагеля, то цепочка второго типа представляла собой, в соответствии с уже цитировавшимся определением А. В. Циммерлинга, «нарративный стереотип», от которого говорящий мог отступать, — ср. выше пример (67) *ѡкупи · ѡсподине · насъ · 1163* (1300–1320).

Вопрос о сочетании обращений с формами личных местоимений в древнерусском языке требует дальнейшего изучения.

в) прочие отклоняющиеся случаи:

(113) · ѿвѣцаи юму · такъ · какъ ѡси дѣкѣнчалъ *марке* съ мнѣю · мнѣ
вынѣхати на петръво днѣ · к тобѣ 142 (1300–1320);

(114) --- дѣшила и бѣзѣна сто
(ро)въ добръ · и товаръ вохъ ·
къль бес пѣцали бѣди
стѣпан[ъ] · [зѣмла] ...
(...) 351 (1260–1280).

Грамота приведена целиком. После того как А. А. Зализняк прочитал в четвертой строке слово *зѣмла* [НГБ XII: 229], предположение о том, что «слово *Стѣпан[ъ]* может быть не завершением фразы, а началом следующей» [ДНД₂: 492], из маловероятного стало просто невероятным. Добавим, что из двух гипотез об общей структуре текста — «начальная часть либо записки, не имевшей адресной формулы, либо второго листа двухлистового письма» [Там же] — явно предпочтительнее первая: именно по причине отсутствия адресной формулы имя адресата прямо названо в тексте.

(115) ----- моего *осѣне* на правку бѣ і на поруку далъ ... 494/469
(1410–1420).

Судя по величине лакуны, в начале фразы перед *моего* имелось ровно одно знаменательное слово — *брата* (либо иной термин родства) [ДНД₂: 664]

или, например, **недруга** (А. А. Гиппиус, личное сообщение). Из двух других случаев употребления звательной формы в этой грамоте один регулярен (см. пример (44)), другой неясен (см. пример (104)).

(116) ... (**ос**)[**ти** *] п[ресто^Алъ **гс^Аине**] 963 (1410–1420).

Остальные четыре случая употребления звательной формы в этой грамоте регулярны — см. примеры (35), (45), (59), (81).

В грамоте № 352 имеется четыре случая постановки обращения после первой тактовой группы и три отклонения. Сохранившийся текст этой грамоты таков:

(117)–(123) 352 (1420–1430):

... (**Олекс**)[**а**]ндровичю с^ну поса^ндничю · слуги твои **г^не**
 ... мосюку што кси · **г^не** хл^ббо вел^бло
 ... (пу)стошомо · **ино** то^то хл^ббо **г^не** · кр^ѣстыяне перемо^ѡ
 (лотили) ... **г^не** · не слушали · а которы^ѣ · **г^не** · **Ѡ**стат^ѣ
 (ки) ... [и м]ы т^ѣы **г^не** · молотимо · да сыплемо · **г^не** · в ж^ѣы
 (тницу)[р]ы [хл]ѣб[а] · **г^не** · перемолотили · кретеяне ·
 ...

Поздние примеры (115) ((Х-а) моего **ос^нг^не**), (117) (слуги твои **г^не**) и (119) (**ино то^то хл^ббо г^не**), возможно, «отражают уже начало расшатывания старых правил» [ДНД₂: 188], а именно дрейф системы от закона Ваккернагеля в его классической форме («фразовые энклитики занимают позицию после первой тактовой группы») к так называемому «слабому Ваккернагелю» («фразовые энклитики занимают позицию после первой составляющей»); см. [Иткин 2025: 88–89] в связи со структурно тождественным примером (*дружину твою, княже* <...>) из «Слова о полку Игореве». На эти три примера находится лишь такое же количество случаев разрыва именной группы¹¹:

- приведенный выше пример (90) (и т^ѣыи · **ос^нп^нодине** · кон^ѣ · захарыи · вѣдава^ѣть · оу насъ ·);
- пример (120) из той же грамоты № 352 (а · которы^ѣ · **г^не** · **Ѡ**стат(ки) ...);
- и эффектный пример с тремя постпозитивными определениями: (124) **сто^гъ г^не** твои · ржан^ѣи цетверетьн^ѣи тати пок^рали 297 (1420–1430).

¹¹ За рамками корпуса берестяных писем мы можем указать по крайней мере три бесспорных примера вставки обращения внутрь именной группы в уже упоминавшейся (см. сн. 4) жалобе вдовы Александра: мужа **ог^до** · моего оубил^ѣ · <...> и животъ · **ог^да** · нашъ вохъ поимал^ѣ · <...> и чела^дь **ог^до** нашу · [п]оло^нъ · пове^гл^ѣ.

Необычный пример (113) · *какъ ѳси дѣкѣнчѣлѣ маркѣ съ мнѣю* · обнаруживает смысловое и структурное сходство с также аномальным примером (31) (*ѳсподинѣ како ѳсѣмъ порадиѣсѣ тако и живу*). Обе фразы выглядят так, словно их авторы сочли неуместным разбивать обращением юридическую формулу «Как такой-то договорился...».

Аналогичное объяснение допустимо и для примера (114) (*бѣс пѣцали бѣди степан[ъ]*); см. параллели к формуле *бѣс пѣцали бѣди*, приведенные в [ДНД₂: 492].

Для примеров (116) ... (*ѳс*)[*ти* *] *п[рестолѣ гсѣинѣ]*) и (121) [*и м*]*ы ты гнѣ* · *молотимо* · мы не беремся предложить никакого, даже ненадежного объяснения. Оговорим лишь, что в количественном отношении эти два случая составляют ничтожную долю всех фраз с неначальным обращением в берестяных грамотах.

(125) ... [*м*]*а гнѣ ѳси пожа[л]ювал...* 15 (1410–1420).

Этот пример был специально рассмотрен А. А. Зализняком. Согласно его комментарию, «допустимо предположение, что *гнѣ* (которое могло читаться каким-то сокращенным образом) здесь подобно сокращенному *су* (из прежнего *осударь*) у Аввакума, то есть, как и оно, выступает в роли новой энклитики. В этом случае его место уже не аномально» [Зализняк 2008: 47, Примечание].

Как показывает приведенный выше материал, форма *господине* действительно почти наверняка могла выступать в роли энклитики. Вполне возможно также, что с какого-то момента по крайней мере в части идиолектов эта форма подверглась фонетической редукции. Однако тезис о том, что место элемента *гнѣ* в рассматриваемой фразе не аномально, противоречит всем ныне доступным данным. В живой древнерусской речи, отраженной в берестяных грамотах, неначальные обращения имели, так сказать, «ранг $n + 1$ », последовательно занимая место после любых энклитик, стоящих в главной ваккернагелевской позиции. Это правило действует на всем корпусе берестяных грамот, включая самые поздние. Форма *господине*, которая встречается значительно чаще всех прочих форм обращения, засвидетельствована в сочетании с энклитиками более 20 раз — см. примеры (38), (39), (40), (44), (45), (53), (54), (55), (56), (57), (71), (72), (73), (75), (80), (81), (86), (89), (91), (96), (108), (118). Более трети из них относится к XV в. Тем самым, до обнаружения новых примеров, аналогичных примеру (125), последовательность [*м*]*а гнѣ ѳси* должна трактоваться как ошибка или даже описка.

7. Заключение

Рассмотрение всех сколько-нибудь информативных случаев употребления обращений в текстах берестяных писем позволяет с достаточной

надежностью обрисовать общие закономерности их размещения во фразе. Неоднословные обращения в целом тяготеют к абсолютному началу предложения, однословные — к интерпозиции. В предложениях с начальным союзом или союзным словом (мы назвали их «предложениями с инициальной») интерпозиция обращения фактически уже становится обязательным правилом — настолько сильным, что оно включает в сферу своего действия также и однословные обращения. При этом неначальные обращения склонны располагаться в конце первой тактовой группы, при наличии любых фразовых энклитик — непосредственно после них. Такое поведение неначальных обращений реализуется в грамотах хотя и не с полной обязательностью, но на уровне очень сильной тенденции.

Заслуживает упоминания следующий факт: в июне 2025 г., когда настоящая статья была уже практически закончена, в Новгороде была найдена грамота XIV в., получившая номер 1233. Вторая строка этой грамоты выглядит так: ... **что еси госпоже при...** Форма **госпоже** занимает здесь именно то место, которое «отведено» для обращений в предложениях, начинающихся с союза.

Выявленные свойства обращений позволяют, в частности, верифицировать энклитический статус показателя сослагательного наклонения **бѣхъ**, а также свидетельствуют о правомерности включения в число ваккернагелевских энклитик частицы **пакъ**. В ряде случаев учет позиции обращения дает основания иначе интерпретировать структуру того или иного фрагмента грамоты, подтвердить или, напротив, поставить под сомнение надежность предложенных ранее конъектур.

В то же время ряд частных вопросов, связанных с особенностями употребления звательных форм, остается нерешенным — во многом из-за недостаточного количества материала. Так обстоит дело, например, с нарушающими закон Ваккернагеля случаями постановки обращения после полноударной формы местоимения (модель **а азъ тобѣ гнѣ цоломъ бию**). Мы надеемся, что по мере появления новых находок эти вопросы окажется возможным разрешить с большей уверенностью.

Литература

- Беляев и др. 2019 — Л. А. Беляев, А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Берестяная грамота Москва-4: результаты комплексного исследования // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 21–30.
- Гиппиус 2025 — А. А. Гиппиус. Берестяные грамоты из раскопок 2024 г. I. Великий Новгород. Троицкий раскоп // Вопросы языкознания. 2025. № 4. С. 7–41.
- Гиппиус, Сичинава 2021 — А. А. Гиппиус, Д. В. Сичинава. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2. С. 178–259.

- ДНД₂ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработ. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Дойкина 2019 — К. Ю. Дойкина. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. № 16 (3). С. 400–419.
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Иткин 2025 — И. Б. Иткин. Линейная позиция и просодический статус форм обращения в древнерусском языке: данные «Слова о полку Игореве» // Русский язык в научном освещении. 2025. № 2. С. 82–97.
- НГБ X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М., 2000.
- НГБ XII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015.
- Полехов 2023 — С. В. Полехов. Когда был составлен «Список убытков новгородцев»? // От сорочка к Олекше. Сборник статей к 60-летию А. А. Гиппиуса. М., 2023. С. 403–415.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.
- Хорошкевич 1964 — А. Л. Хорошкевич. Новые новгородские грамоты XIV–XV вв. // Археологический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 264–276.
- Циммерлинг 2002 — А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.